регулирования новых правоотношений, возникших в результате научно-технического прогресса, подобные нормы волей законодателя могут найти свое место в существующих отраслях гражданского, административного, экологического, уголовного законодательства, которые отражают положения частного либо публичного права.

К тому же в указанных выше дефинициях биоправа предметом его регулирования названы правоотношения, которые уже являются предметом регулирования других отраслей законодательства (гражданского, административного, уголовного). Невозможно унифицировать и метод регулирования названных в дефинициях правоотношений, поскольку в зависимости от характера правоотношений (их отраслевой принадлежности) будет корректироваться и их метод. Например, правоотношения в сфере репродукции могут регулироваться нормами гражданского права (составление договора о суррогатном материнстве) с использованием диспозитивного метода; одновременно будет подключено и административное право в отношении предоставления услуг оказания медицинской помощи, а в случае совершения уголовного правонарушения в этой сфере (продажа ребенка, подделка документов) – сработают соответствующие положения уголовного законодательства с использованием императивного метода регулирования этих правоотношений.

Таким образом, на примере разрешения одной биоэтической проблемы может быть продемонстрировано комплексное использование нескольких отраслей права, отраженных в соответствующих отраслях законодательства.

Осуществляя правовую оценку указанной биоэтической проблемы, следует вспомнить и о процессуальном законодательстве, которое регулирует применение норм материального права, указанного выше. В указанном примере могут быть использованы положения гражданско-процессуального и уголовно-процессуального законодательства. Это еще раз указывает на мультидисциплинарный характер правового обеспечения биоэтических проблем.

Подводя итог, прихожу к выводу, что использование понятия «биоправо» с точки зрения теории права является некорректным. Учитывая стремление юриспруденции к наведению понятийной «чистоты» в категориальном аппарате, употребление этого понятия нежелательно. Оно загромождает и без того громоздкий понятийный аппарат правоведения.

Единственное, с чем можно согласиться, – это допустить возможность употреблять термин «биоправо» в качестве профессионального жаргонизма, отражающего совокупность отраслевого законодательства, регулирующего достижения в сфере биологии и медицины.

По этой же причине считаю, что зарубежная практика выделения биоправа в отдельную отрасль права не обоснована и, потому, не желательна для имплементации в научный оборот и правовые системы стран романогерманской семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Триньова Я.О.* Біоетика кримінально-правового забезпечення протидії злочинності: монографія. – Харків. Право, 2019. – 536 с.
2. *Чешко В.Ф.* High Nume (биовласть и биополитика в обществе риска). / В.Ф. Чешко, В.И. Глазко. Учебное пособие. – М., 2009. – 319 с.
3. Актуальные проблемы биоправа в решениях международных судов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/edu/vkr/296281306>. – Дата доступа: 10.03.2020.
4. *Biolaw.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://biolaw.blogspot.com/2009/01/definition-of-biolaw.html>. – Дата доступа: 10.03.2020.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕПЛАНЕТАРНОЙ БИОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ НАВЯСТВЕННОСТИ

PROBLEMS OF FORMATION OF PLANETARY BIOECOLOGICAL MORALITY

В. И. Фалько

V. Falko

*Мытищинский филиал Московского государственного технического университета
имени Н.Э. Баумана,
г. Мытищи, Россия,
vfalko@yandex.ru*

*Mytishchi branch of Moscow State Technical University named after N.E. Bauman,
Mytishchi, Russia*

Идеалы общечеловеческой нравственности и глобальной этики как единства многообразия, сформировавшиеся в конце 80-х годов XX века, не осуществились в условиях глобализма по формуле «мыслить локально, действовать глобально» и стремления к установлению однополярного мира. Распад этой модели мироустройства и тенденции деглобализации сопровождаются становлением контуров бимультipoлярного

мира и новых механизмов интеграции этических систем. Глобальная биоэтика не сформировалась по причинам приоритета интересов над ценностями в стратегии мирового развития и сохранения эссенциального дискурса в теории. В современных условиях складываются предпосылки для перенесения из теории в сферу практики процессов формирования нравственности, характеризующейся диалогом и взаимопроникновением различных этосов и типов биоэкологических воззрений. Важная роль принадлежит в этом мудрости, лежащей «по ту сторону» интересов и связанных с ними идей.

The ideals of universal morality and global ethics as a unity of diversity, formed at the end of the 80s of the 20th century, were not realized under globalism according to the formula “think locally, act globally” and strive to establish a unipolar world. The collapse of this model of the world order and the tendency of deglobalization are accompanied by the formation of the contours of the bimultipolar world and new mechanisms of integration of ethical systems. Global bioethics was not formed for reasons of priority of interests over values in the strategy of world development and the preservation of essential discourse in theory. Under modern conditions, the prerequisites are being formed for transferring from the theory to the sphere of practice the processes of the formation of morality, characterized by dialogue and interpenetration of various ethos and types of bioecological views. The important role belongs to this wisdom laying “on the other side” of interests and related ideas.

Ключевые слова: общепланетарная нравственность, глобальная биоэкологическая этика, ценности, интересы, мудрость, типы биоэкологических воззрений, бимультитиплярный мир.

Keywords: planetary morality, global bioecological ethics, values, interests, wisdom, types of bioecological views, a bimultipolar world.

<https://doi.org/10.46646/SAKH-2020-1-107-111>

Проблемы становления и развития глобальной био- и экологической этики требуют не только теоретического анализа и обоснования их нормативного содержания. Недостаточно также исследовать и разрабатывать их с позиций общей этики и философии морали, даже в связи с вопросами философии природы, философии науки и техники, социологии и психологии морали, биологии, медицины, экологии и других областей научного знания. Глобальная этика, в том числе в сфере отношений общества и природы, вырастает из теоретического осмысления общемировой нравственной практики, реального диалогического взаимодействия различных этических систем и типов экологического мировоззрения в ходе социально-исторического развития и процессов формирования общепланетарной нравственности. Необходимо соединение исторического анализа хода и результатов этой практики с изучением стихийных механизмов и объективных закономерностей становления нравственного измерения отношений человека, техники и природы, прогнозированием тенденций и организацией направляющих воздействий международного сообщества на эти процессы.

В докладе предпринята попытка сочетания краткого исторического экскурса с наброском живой методологии организации теоретико-практической деятельности и общения в сфере формирования общепланетарной экологической и биомедицинской нравственности с позиций системно-диалогического подхода.

Общемировые процессы, связанные с научно-техническим, экономическим и социальным прогрессом, происходившие в последние десятилетия XX века, указывали на тенденции становления глобальной цивилизации, поставив вопросы о необходимости формирования глобального мышления и общепланетарной нравственности. При этом морально-этические вопросы рассматривались не только в отношениях между людьми, но и в отношении человека и общества к природе. В 1988 г. Комиссией ООН по окружающей среде и развитию в г. Рио-де-Жанейро началась разработка концепции устойчивого развития, принятой в 1992 г. на Саммите глав государств и получившей развитие в новом веке. В том же 1988 г. возникла глобальная биоэтика, основные идеи которой были изложены в книге В.Р. Поттера «Глобальная биоэтика, основанная на наследии Олдо Леопольда» (1988). Опираясь на экологическую этику, глобальная биоэтика была распространена на все уровни реальности – от медицинской нравственности до нравственного отношения ко всей природе. Идеи глобальной биоэтики получили свое развитие в обширной мировой литературе и практической деятельности специалистов многих стран. Именно в литературе этого поворотного периода конца 80-х были предвосхищены как современные проблемы, так и возможные будущие пути их решения.

Глобальные идеи в духе нового мышления, провозглашенного А. Эйнштейном и Б. Расселом, и заключающегося в приоритете общечеловеческих ценностей, были положены в основу перестройки в Советском Союзе, охватившей и сферу нравственного отношения к природе. В январе 1989 года в Москве прошел Всесоюзный научный симпозиум по проблемам глобальной нравственности, организованный Центром проблем экологии и коэволюции им. В.И. Вернадского при Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО. Решения симпозиума касались формирования единой общепланетарной нравственности, в первую очередь по отношению к воздействию технологии на природу и человека. Во введении «Актуальные проблемы глобальной нравственности» к обзору материалов симпозиума академик Н. Н. Моисеев отмечал: «Организуя этот форум, центр исходил из положения о необходимости всеобщего признания приоритетной роли нравственности в решении стоящих перед человечеством гуманитарных, естественнонаучных и технических проблем» [1, с. 5]. Это положение предвосхищало вывод, сделанный в Первом докладе Римского клуба «Первая глобальная революция», опубликованном в 1990 году А. Кингом

и Б. Шнайдером, о том, что главной глобальной проблемой к тому времени стало размывание духовных и нравственных ценностей.

«В свою очередь, требование приоритетности разработки нравственных проблем вытекает из осознания факта глобальной экологической катастрофы, на пороге которой оказалось человечество, – продолжает

Н. Н. Моисеев. – Последняя обусловлена прежде всего тем, что в ходе совместной эволюции природы и общества наступило время, когда силы общества, оказавшись соизмеримыми с силами природы, привели к антагонизму между стихийно сформировавшейся биосферой и созданной разумом человека техносферой. Путь к разрешению этого противоречия ЦПКЭ им. В.И. Вернадского видит, во-первых, в скорейшем осознании человечеством необходимости опережающего решения нравственных проблем по отношению к проблемам технологии; во-вторых, в формировании единой, общепланетарной глобальной нравственности» [1, с. 5].

Разработка идей устойчивого развития, приоритета нравственности и общечеловеческих ценностей, формирования общепланетарной нравственности, глобальной биоэтики и экологической этики нашла отражение в трудах международного научного сообщества и многих ученых стран постсоветского пространства, в т.ч. России, Украины, Беларуси. Продолжением этих процессов являются, в частности, дискуссии в рамках Сахаровских чтений и других международных конференций. Однако содержание и направленность исследований и разработок этих проблем с течением времени меняются, отражая перемены в общественной жизни и сознании людей, а также мировой научной и философской мысли.

Достигнутые результаты и актуальные проблемы разработки глобальной биоэтики в мировом масштабе освещены в работах ряда участников круглых столов по биоэтике в г. Минске. Так, С. В. Пустовит утверждает, что становление глобальной биоэтики, наиболее явственно воплощенной в европейской теории и практике, существенно расходится с трендом американской биомедицинской этики в силу «прагматического, прикладного и узкопрофессионального характера» последней [2, с. 5]. Еще большие расхождения наблюдаются между европейскими и восточными представлениями о нравственных отношениях в сфере живого. Наряду с этим, «на практике оказалось, что универсальные общеевропейские ценности не всегда доминируют в сознании европейцев» [2, с. 6].

В целом приходится констатировать, что идеалы общечеловеческой нравственности, глобальной этики и глобальной цивилизации как единства многообразия не осуществились, уступив глобализму по формуле «мыслить локально, действовать глобально» и из-за стремления к установлению однополярного мира. Глобальная биоэтика не сформировалась до сих пор, и пока нет достаточных предпосылок для возникновения общепланетарной нравственности. Возможна ли, в принципе, единая мораль, универсальная нравственность, которая была идеалом еще в философии Канта, венчающей эпоху Просвещения, и вновь провозглашенной в эпоху постмодерна постнеклассической философией? Важно в этой связи акцентировать внимание на том, что «вектор европейской и глобальной биоэтики направлен на инвентаризацию, пересмотр, переосмысление ценностей и гуманистических идеалов эпохи Просвещения, таких как *природа, разум, научная истина, справедливость, равенство, свобода, диалог* в контексте сохранения и развития жизни. Из рационалистически-метафизического контекста эти ценности переносятся в практически-прикладной, коммуникативный, герменевтический...» [2, с. 6].

Вместе с тем, именно в идеалах Просвещения можно, на наш взгляд, видеть одну из причин того, что единая глобальная этика принципиально невозможна. Это эссенциальный дискурс, сохраняющийся еще со времен Аристотеля, и его новоевропейский вариант, сводящий все виды человеческой деятельности, общения и созерцания к познанию, прежде всего научному. Глобальная этика и универсальная нравственность, которые основаны на умопостигаемых сущностных началах, а не на цельной реальности, данной человеку и обществу в ее полноте и несводимости к понятиям, невозможны. Единая нормативная этика, основанная на нравственном абсолютизме, так же невозможна, как невозможна единая религия для всего человечества, ибо вера и священные книги не могут претендовать на абсолютное совпадение со Словом Божьим. Единая глобальная мораль невозможна, подобно тому, как невозможен единый язык для всего человечества, ибо в семиотической среде с одной единственной знаковой системой коммуникация не складывается.

Однако, возможна и реально формируется такая общепланетарная нравственность, которая представляет собой единство многообразия, основанное на общечеловеческих началах, таких, как «золотое правило нравственности», открытое в осевое время человечества и утвердившееся в большинстве современных этических систем. Такая мораль основана на индивидуальной и общественной практике, диалогическом взаимодействии и межличностном общении, взаимопонимании и взаимном проникновении различных этических систем. Она становится основанием для теоретического осмысления в общечеловеческой этике.

Вместе с тем, общепланетарная нравственность не может быть сведена к нравственному плюрализму и этическому релятивизму, ибо мораль, лишенная абсолютной духовной составляющей, вырождается и вытесняется прагматикой, природа и механизмы которой нравственно нейтральны и не нуждаются в этике. Однако теория и практика, опирающиеся только на рациональные основания, т.е. факты и логику, оказываются не в состоянии рассчитать сколько-нибудь отдаленные последствия поступков людей или результаты глобальных процессов, ввиду сверхсложных связей и опосредствований социальных и природных явлений и их принципиальной неопределенности. Не представляется возможным и достижение общего согласия в оценке этих результатов с точки зрения интересов и идеалов различных индивидов и общностей людей. Для предвидения тенденций и возможных результатов объективных процессов, организации целенаправленных человеческих действий необходимы абсолютные ориентиры как основания для общепланетарной нравственности и общечеловеческой этики. Таковыми могли бы быть единые

надценностные критерии, но ни классическая, ни современная философия и аксиология не привели к общепризнанным результатам их поисков.

Путь к общепланетарной нравственности фактически указан в вышеприведенной цитате из статьи С.В. Пустовит как характерной черты процесса становления глобальной этики: это перенесение процесса формирования ценностей из области теории в сферу социальной практики, общения и понимания. Вопросы, однако, заключаются в том, основаны ли эти процессы на приоритете ценностей или определяются интересами, а также каким образом могут быть организованы и осуществлены соответствующие деятельность и коммуникация, а затем их теоретическое осмысление и институциональное закрепление.

Неклассический экзистенциальный дискурс, в котором первична не сущность, а существование, как и постнеклассический отказ от сущности, еще не выходят за пределы философской теории, испытывающей кризис рациональности. Методология, приходящая, по Г. П. Щедровицкому, на смену философии, ограничивается системно-мысле-деятельностным подходом, как и «живая методология» А. И. Пригожина. Они изредка применяются в локальных масштабах в форме игротехнического имитационного моделирования, а в масштабах социума вытесняются технологией. Это же произошло на рубеже нового тысячелетия и с идеологией. Наука, пережившая в конце 80-х кризис своего «конца», вышла из него путем переосмысления научного знания как мироотношения, но ее постигает та же участь, что и философию. Тотальная технологизация происходит в нынешнем веке в образовании и СМИ, формирующих в общественном сознании промежуточный уровень между обыденным и теоретическим сознанием. Не спасают положение ни искусство, в котором поэтика вытесняется техническими новациями, ни религия, которая не находит альтернативы крайностям консерватизма и приспособления к трендам технократического века.

Победа техносферы не только над биосферой, но и над социальной и духовной жизнью человечества грозит экологической катастрофой, охватывающей отношения человека и общества не только с окружающей, но и внутренней средой, и собственную человеческую природу. Анализируя складывающуюся глобальную экологическую ситуацию в период конца 80-х, Ф. И. Гиренок в своем обзоре проблем и поисков путей их решения писал: «Если у нас нет знания, а действовать надо, то нам нужна мудрость. Для чего? Для того, чтобы в наших действиях вещи оставались такими, какие они есть, а не такими, какими мы их хотим видеть. Ведь что такое мудрость? Это все то, что лежит по ту сторону интересов и связанных с ними идей. ... Вопрос, следовательно, состоит в том, являемся ли мы мыслящими частями того целого, которое предоставлено самому себе, или не являемся. Все то, что воспроизводится в наших головах, когда мы в качестве части принадлежит этому целому, которое предоставлено самому себе, и составляет мудрость» [3, с. 16–17].

Это одна из трактовок понятия «мудрость», которую можно оспаривать, и у каждого мудреца свои мысли, а у тех или иных сообществ людей – собственное представление о ценностных ориентирах. Перенесение процесса формирования ценностей из теории в сферу практики неизбежно приводит к столкновению образцов действий, результат которых не всегда оказывается мудрым решением. Кроме того, в состязании с мудрой жизненной стратегией участвуют активные деятели, движимые интересами, направленными не на сохранение выработанных историей ценностей, а на утверждение новых целевых ориентиров. В такого рода «диалогическом взаимодействии» не вырабатываются общечеловеческие ценности. Только выверенные длительными историческими испытаниями модели поведения, нравственные идеалы и этические принципы могут завоевывать умы и сердца миллионов людей и претендовать на статус оснований этосов глобального мира. Не одного-единственного глобального этоса, а именно этосов, диалог между которыми и общение их живых носителей призваны служить взаимопониманию, а не взаимному разрушению в антагонистическом противоборстве или превращению в полу-истины в результате достижения компромисса, из которых не может сформироваться никакая целостность. Вместе с тем, требуют также преодоления ложные идеи и модели поведения, как это происходило в истории человечества, наряду с синергичным взаимодействием положительных образцов.

Из сказанного можно сделать вывод: мудрость заключается в том, что не только вещи, но и нравственные идеалы и ценности должны «лежать по ту сторону интересов и быть предоставлены самим себе», то есть оберегаемы от разрушения и размывания. Это же следует сказать и о человеческой природе, которая подвергается технологическому «совершенствованию». Основой этого идеального постоянства являются природные вещи и явления, биосфера, экологические системы, обладающие нравственной и эстетической ценностью. Опыт древнейших культур и цивилизаций, новой и новейшей истории, аккумулируемый в экологическом мировоззрении и мудрости столетий, становятся основанием для биоэкологической нравственности и этосов глобального мира.

Последние годы характеризуются процессами деглобализации, исходящими не столько снизу, от движений антиглобалистов, сколько от руководства ведущих государств мира, ориентирующихся на интересы этих стран, а не на общечеловеческие ценности. Эти тенденции не могут не сказываться на становлении общепланетарной нравственности и глобальной эко- и биоэтики, разобщая их на локальные и региональные этосы. Положительной стороной этого разделения является преодоление единообразия этических принципов и норм, вгоняющих национальные и региональные, культурно-исторические особенности общей и биоэтической нравственности в искусственно созданные рамки глобализма. Это прокрустово ложе этосов глобального мира создавалось не только рационалистическими иллюзиями эссенциальных теоретических построений, но, прежде всего, интересами гегмонов однополярного мира, господствующими над духовными и нравственными ценностями и подчиняющими себе мудрость подлинной элиты человечества.

Размежевание и приоритет интересов государств, межгосударственных и надгосударственных образований завершает распад складывавшегося однополярного мира и формирует бимультipoлярное политическое мироустройство [4]. В этой системе международных отношений над мультipoлярным миром возвышаются два примирителя (США и Россия + Китай), образующие ядро мировой политической системы и находящиеся в конфликтных отношениях между собой. Новая конфигурация глобального мира придает и новые контуры находящимся по ту сторону интересов системам духовных и нравственных отношений, ценностных ориентиров и сверхценностной мудрости народов и их интеллектуальной и моральной элиты. Единство многообразия биоэкологических этосов современного мира образуется типологиями нравственно-этических систем и биоэкологических воззрений.

Общепланетарный характер системы этосов могут придавать противостоящие друг другу и диалогически взаимодействующие между собой системы ценностей и надценностных критериев. Можно предположить, что это традиционалистский и постмодернистский типы этосов, а также эоцентрический и антропоцентрический типы экологического мировоззрения.

Становление современной общепланетарной экологической нравственности и биоэтики глобального мира – процесс, сочетающий в себе стихийные механизмы и целенаправленную деятельность по организации диалогического взаимодействия и общения между коллективными субъектами. Важными и непростыми проблемами являются приобщение массового сознания, духовной и социальной практики к мудрости веков, ее сочетание с творчеством в морали и биоэкологическом мировоззрении, а также формирование систем локальных и глобальных коллективных интеллектов. Разрешение этих проблем духовного порядка имеет значение не только для формирования общепланетарной нравственности и становления биоэкологической этики; оно создаст предпосылки для трансформации бимультipoлярной системы мироустройства, основанной на конфликте примирителей друг с другом, в гармоническую, вырастающую из партнерских отношений мировых субъектов. Этому будут способствовать и такие типы биоэкологических воззрений, как эоцентризм, теоцентризм и полицентризм [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Глобальная нравственность. Специализированная информация по проблемам экологии. – М.: ИНИОН АН СССР, 1990. – 40 с.
2. *Пустовит, С.В.* Глобальная биоэтика В.Р. Поттера: продолжение следует? // Экологический вестник, 2016. – № 3 (37). – С. 5–10.
3. Экология: человек и природные системы. Обзор. Специализированная информация по проблемам экологии. – М.: ИНИОН АН СССР, 1990. – 20 с.
4. *Фалько, В.И.* Альтернативы однополярному миру: современность и перспективы // Развитие современной цивилизации: ответы на вызовы времени: сборник трудов по материалам международной научно-практической конференции 25 ноября 2015 года, г. о. Королёв. «МГОТУ». – М.: «Научный консультант», 2016. – С. 94–102.
5. *Фалько, В.И., Лукманов, Р.Р.* Проблема прав и субъектности природы // Вестник Московского государственного университета леса. – Лесной вестник, 2015. – № 4. – Том 19. – С. 75–83.